

Хелен Бэретт
и Аттила Сайнос

Автономия: за кем остаётся выбор

Последнее время в медицине всё чаще говорят о «праве пациента на выбор», и именно эта идея стоит за многими центральными вопросами современной биоэтики. Но не придаём ли мы автономии слишком много значения, абсолютизируя права отдельных людей и обращая всё меньше и меньше внимания на личную ответственность и общее благо? Как и когда медицина приняла философию, где главным соображением является право выбора, и как нам, христианам, следует на это реагировать?

Для многих людей право делать со своим телом то, что им заблагорассудится, по какой бы то ни было причине, является важнейшим из всех соображений. Автономия лежит в основе аргументов в защиту самоубийства при содействии врача (ССВ). Такие же притязания на самоопределение слышатся при обсуждении аборта и вопросов репродуктивной этики, и именно на них основана философия здравоохранения XXI века, в которой всё чаще и чаще звучат законнические и потребительские мотивы.

Слово «автономия» состоит из двух греческих корней: *авто* («я», «сам») и *номос* («закон»). В медицине автономия — это «свобода человека распоряжаться своей жизнью в соответствии с его желаниями и ценностями»¹. Она предполагает независимость, самостоятельность и право пациента принимать решения о своей жизни, включая решения о том лечении, которое ему хотелось бы получить.

В прошлом врачи считали, что они сами должны принимать все решения, так как они более других могли судить, что именно послужит

наилучшим интересам пациента. Это убеждение повсеместно принималось на практике, так как больные редко ставили под сомнение решения врачей, даже если эти решения противоречили их собственным желаниям. Иногда этот «авторитаризм» приводил к злоупотреблениям врачебной властью, когда пациентов не уведомляли обо всех имеющихся альтернативах.

Хотя желание дать пациентам возможность взять на себя ответственность за свою жизнь несомненно является благом, многие наблюдатели уже начинают задаваться вопросом, не слишком ли много значения мы начали придавать автономии. Например, Дэниел Каллахан, основатель Гастингского центра по биоэтике в г. Гаррисон, штат Нью-Йорк (США), назвал ССВ «автономией, вышедшей из-под контроля»².

В данной статье мы рассмотрим причины современного упора на автономию и то, как нам следует на него реагировать, а также обсудим эти вопросы с христианской точки зрения.

Реформация и дальше

В западной культуре подъём индивидуализма, лежащего в основе стремления к автономии, начался со времён протестантской Реформации. Мартин Лютер (1483—1546) и Жан Кальвин (1509—1564) поставили под сомнение средневековое католическое учение о том, что отношения простого человека с Богом строятся через посредничество церкви и священства. Они подчёркивали, что верующий-священник сам стоит перед Богом, и между ним и Богом нет иного посредника, кроме Иисуса Христа. Человеческая автономия рассматривалась в контексте взаимоотношений, и христиан призывали к ответственной жизни перед Богом.

Когда в конце XVII века началась эпоха Просвещения, такие европейские философы, как Вольтер (1694—1778) и Жан-Жак Руссо (1712—1778)

поставили под сомнение преобладавшее тогда на Западе иудео-христианское мировоззрение. Эти философы Просвещения провозгласили, что Бог либо не имеет никакого значения, либо вообще не существует, и вместо Бога мерой всего сущего является человек. Они продвигали гуманистическую философию и права человека, закладывая основу для идеологии, опирающейся на личную свободу человека. Всё это привело к формированию таких социальных систем, как либеральная демократия и рыночный капитализм.

Если прежний нравственный консенсус, основанный на иудео-христианском учении, помогал сдерживать многие крайности, то теперь у общества уже не было единой нравственной системы, позволяющей держать индивидуализм под контролем.

В 1960-х годах, когда биоэтика впервые выделилась как самостоятельная дисциплина, пациенты начали настаивать на своих правах, и принцип автономии начал приобретать всё большую популярность. Одной из главных причин этих перемен стал общий отход от нравственных абсолютов вкуче с быстрым развитием медицинской технологии и появлением новых методов лечения, которые нередко казались людям чрезмерными и ненужными.

Сейчас британское законодательство признаёт за пациентом право знать свой диагноз, опасности и преимущества предлагаемого лечения, а также имеющиеся альтернативы. Пациент имеет право отказаться от лечения, даже если врачи считают его полезным. Более того, проводить лечебные процедуры без согласия пациента или против его воли считается насильственным действием.

Общественная нравственность

Сейчас многие считают книгу американских учёных Тома Бичампа и Джеймса Чилдресса «Принципы биомедицинской этики» основным

учебником современной западной биоэтики. Эти авторы признают, что наше плюралистическое общество утратило общие нравственные ценности, но предлагают четыре принципа или правила, которые, по их мнению, могут заложить общую основу для принятия этических решений: уважение к автономии пациента, «не навреди», «делай благо» и принцип справедливости. Хотя Бичамп и Чилдресс считают необходимыми все четыре принципа, они особенно подчёркивают право пациента «лично распоряжаться собой, будучи свободным от контроля со стороны других и от личных ограничений, мешающих осмысленному выбору»³.

Другие авторы считают, что право на самоопределение должно предшествовать всем остальным ценностям. Например, Джон Харрис, профессор прикладной философии Манчестерского университета, считает автономию наивысшей ценностью: «Поскольку моя жизнь принадлежит мне, её ценность для меня состоит именно в том, чтобы делать с ней всё, что я захочу», пишет он⁴. Американский сторонник эвтаназии Джек Кеворкян тоже провозглашает «абсолютную личную автономию» единственной основой медицинской этики. «Делай и говори всё, что хочешь сделать и сказать, когда бы тебе этого ни захотелось, пока это не приносит вреда и не угрожает чьей-либо личности или имуществу»⁵.

Некоторые считают, что возникновение и распространение этики, основанной на автономии, стало началом новой эпохи уважения к каждому человеку. Другие, включая многих евангельских христиан, совсем в этом не уверены. Американский профессор систематического богословия Джон Фрейм пишет: «Мы должны отказаться от слова „автономия“, потому что оно практически всегда означает беззаконие — то есть отказ человека нести ответственность перед Богом»⁶.

Разные автономии

Дискуссии об автономии осложняются тем, что разные люди понимают это слово по-разному. Для Бичампа и Чилдресса автономия «является неоднозначным понятием»⁷, Кеворкян считает, что она всегда стоит на первом месте, а Фрейм приравнивает её к анархии.

Американский профессор христианской этики Дж. Алан Брэнч предлагает нам рассмотреть три

разных вида автономии, а затем проанализировать каждую из них в свете библейского мировоззрения.

Частичная нравственная автономия

Брэнч определяет частичную нравственную автономию как «право каждого человека решать, как ему действовать, в рамках принятых норм и стандартов»⁸. Это не абсолютная свобода без каких бы то ни было ограничений; однако она утверждает и защищает право человека на собственный выбор.

Частичная нравственная автономия предполагает, что некоторые действия являются неверными и дурными и потому их следует запретить — не только ради отдельного человека, но ради блага всего сообщества. Например, врачи не разрешают заразить больным свободно разгуливать по улицам, даже если тем это не нравится. Таких больных держат на карантине, чтобы они не заражали окружающих. Их автономия ограничивается.

Автономия, действующая в контексте четырёх принципов, предложенных Бичампом и Чилдрессом, является примером частичной нравственной автономии. Хотя автономия является сущностно важным элементом, она должна удерживаться в равновесии с остальными тремя принципами. Эти четыре принципа могут стать основой «общественной нравственности» (то есть тех нравственных правил, под которыми могут подписаться все члены общества, несмотря на свои личные убеждения) и стать источником нравственного консенсуса.

Такое понимание ограниченной автономии прекрасно уживается с христианским учением. Первые главы Книги Бытие описывают природу отношений между Богом и Его творением. Там сказано, что человек создан по Божьему образу и подобию⁹. В Быт. 2:15-17 мы видим, что Бог имел в виду, когда призвал людей жить в мире, отражая Его образ. Во-первых, Бог дал людям призвание — ухаживать за садом и заботиться о нём — и позволил им свободно распоряжаться всем, что там было. Однако это призвание и разрешение действовали в контексте нравственной ответственности, где главным авторитетом оставался Бог. Исходя из этого, можно сказать, что ключевым аспектом человеческого природу является способность

принимать нравственные решения, и первым из них является решение о том, чем руководствоваться в процессе дальнейшего выбора. В Новом Завете Иисус, беседа с молодым богатым правителем, ясно даёт ему понять, что человек свободен принимать даже неверные решения¹⁰.

Автономия в здравоохранении утверждает наше богоданное право выбора и свободы воли. Однако наша задача состоит в том, чтобы принимать эти решения в установленных Богом пределах. Мы обладаем реальной свободой выбора, и Библия всецело её подтверждает, но нам нельзя ставить эту свободу во главу угла в процессе принятия нравственных решений. Она всегда должна находиться в динамическом равновесии с подотчётностью и ответственностью.

И в Библии, и в человеческой истории вплоть до наших дней Бог по Своей мудрости предоставляет людям альтернативные пути, из которых можно выбирать, и наделяет их свободной волей для этого выбора. Но должным образом пользоваться этой богоданной способностью и свободой выбирать мы можем лишь в том случае, если живём в послушании своему Творцу.

Гражданская автономия

Брэнч определяет гражданскую автономию как право человека на свободу от давления или принуждения во время принятия того или иного решения.

Одним из выражений гражданской автономии является, например, принцип информированного согласия — право человека решать, хочет ли он воспользоваться предложенным лечением или будет ли он принимать участие в медицинском исследовании. Впервые появившись в 1950-х годах, сейчас это понятие приобрело в медицине первостепенную важность. Чтобы воспользоваться своей гражданской автономией и взвесить имеющиеся альтернативы, пациент должен располагать достаточной информацией о природе своего заболевания и разных способах его лечения. Кроме того, совершенно необходимо, чтобы он не испытывал давления или принуждения со стороны системы здравоохранения, семьи и друзей.

В реальности ситуация часто осложняется тем, что врачам бывает нелегко оценить способность пациента взвесить все альтернативы и дать

своё согласие. Не менее трудно бывает защитить пациента от внешних влияний.

Библия также осуждает всякое принуждение и требует справедливого отношения к каждому. Отчасти причиной тому является высокая ценность и достоинство, присутствие человеческой жизни. «Кто теснит бедного, тот хулит Творца его; чтущий же Его благодворит нуждающемуся»¹¹. Более того, во Втор. 10:17-19 Бог описывается как защитник беззащитных, а сироты, вдовы и пришельцы перечисляются как представители наиболее уязвимых социальных групп в израильском обществе, так как всем им угрожала опасность эксплуатации — ситуация, аналогичная ситуации пациента или участника медицинского эксперимента.

Либертарианская автономия

Понятие либертарианской автономии гораздо хуже уживается с христианским мировоззрением. Оно предполагает свободу, но не только от принуждения, а от любых сдерживающих норм поведения. Оно принимает права, провозглашаемые частичной нравственной автономией, но отвергает любые ограничения нравственной ответственности и всякую зависимость от какого-либо божества. Однако, если подумать, это вполне логичное осуществление богоданной свободы воли в светском обществе.

Это право действовать так, как заблагорассудится, является именно той формой автономии, которую утверждают сторонники легализации эвтаназии. Предполагается, что человек сам решает, что хорошо, а что плохо, безотносительно Бога или других людей. В результате этика становится делом субъективных мнений и предпочтений.

В противовес этому, врач и специалист по христианской этике Джон Уайатт пишет: «Я обладаю определённой долей независимости, достоинством подлинного выбора, сравнительной свободой тварного существа. Но моя жизнь не является просто „моей“, в том смысле, что я волен делать с ней всё, что захочу. Моя жизнь имеет смысл только относительно Бога»¹².

Библейское мировоззрение последовательно утверждает зависимость человека от Бога. Мы появились на свет только благодаря акту Божьего творения и продолжаем существовать

исключительно благодаря Его сверхъестественному вмешательству. Апостол Павел говорит, что Бог даёт всему жизнь¹³, а, по обращённым к Иову словам Елиуя, «если бы Он обратил сердце Своё к Себе и взял к Себе дух её и дыхание её, вдруг погибла бы всякая плоть, и человек возвратился бы в прах»¹⁴. Иеремия тоже восклицает: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим»¹⁵. Христиане верят, что люди принадлежат не себе, а Богу, и хотя Бог даёт им свободу поступать по-своему, Он от всего сердца желает, чтобы они поступали правильно.

Специалисты по христианской этике Скотт Рей и Пол Кокс считают, что для христианина само понятие автономии является чем-то вроде оксюморона¹⁶, так как он живёт под Божьим владычеством, ограничивая себя Его Словом. Но, как мы уже видели, врачи-христиане вполне могут ратовать за частичную нравственную автономию и гражданскую автономию своих пациентов. Однако они ни в коем случае не должны принимать либертарианскую или абсолютную автономию, которая ставит «меня и мои желания» выше всего остального.

Подлинная свобода во Христе

Смысл автономии состоит в том, чтобы освободить людей от принуждения и ограничений и дать им возможность жить полной жизнью. На первый взгляд, она не противоречит христианству — ведь Сам Христос обещал сделать людей свободными! Но, говоря о свободе, новозаветные авторы совсем не имеют в виду, что люди просто вольны поступать как им заблагорассудится.

Апостол Иаков дважды упоминает о «законе свободы»¹⁷. На первый взгляд может показаться, что эта фраза противоречит сама себе. В любом случае, она явно противоречит светскому пониманию свободы, где она часто приравнивается к отсутствию каких-либо правовых ограничений. В Евангелии от Иоанна иудеи говорят Иисусу, что не нуждаются в освободителе, потому что «не были рабами никому никогда». Но Иисус отвечает им: «Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете»¹⁸.

Итак, в Новом Завете свобода — это не пустая анархия, а освобождение от привычного образа мыслей и поведения, противоречащего Божьему замыслу для человека. Новозаветные авторы постоянно подтверждают реальность человеческого выбора. Человек может либо служить собственным идеалам и пытаться удовлетворить свои желания, либо принять решение служить Богу. Апостол Павел пишет о том, что ему дарована свобода от греха, но одновременно говорит о необходимости принять сознательное решение служить Богу¹⁹. Накануне распятия Иисус просил избавить Его от предстоящей муки, но потом добавил: «Но не Моя воля, а Твоя да будет»²⁰. Тем самым Он показал, что Его автономия ограничивается послушанием Богу, а её главная цель — служение людям.

Несколько раз Павел пишет, что желание послужить Богу заставляло его добровольно ограничивать свою свободу. В культуре того времени учитель религии имел полное право ожидать от своих последователей платы за своё учение. Но Павел отказался от права зарабатывать на жизнь проповедями ради того, чтобы эффективнее служить церкви²¹. Он призывал верующих следовать его примеру и отказываться от своей свободы ради церкви, «повинуясь друг другу в страхе Божиим»²².

Новый Завет не раз призывает церковь ограничивать свою христианскую свободу ответственностью перед обществом. Павел прямо говорит филиппийцам: «Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других»²³, а галатам пишет, чтобы они «любовью служили друг другу»²⁴. В этом контексте мы видим, что верующие должны стремиться к личной автономии, но эта автономия должна ограничиваться не только послушанием Богу, но и соображениями общего блага и заботы о своём сообществе.

Бог взаимоотношений и общения, сотворивший человека по Своему образу, создал его прежде всего для взаимоотношений с Самим Собой, и наша индивидуальность определяется не тем, чего мы пытаемся достичь, а тем, что Бог называет каждого из нас по имени. Как пишет Гилберт Мейлендер, «мы более всего обретаем себя не тогда, когда пытаемся управлять и распорядиться своей судьбой, а когда признаём, что основанием, источником и поддержкой нашей жизни является Бог»²⁵.

Кроме того, мы сотворены для взаимоотношений друг с другом, и, будучи частью Тела Христова, обретаем единство со всеми теми, кого Бог назвал по имени. Важной частью этих взаимоотношений является готовность носить бремена друг друга²⁶. Эта мысль берёт своё начало в Ветхом Завете, когда Бог намеревался сделать из Израиля совершенное общество, которое самой своей жизнью будет свидетельствовать миру о своём Боге²⁷.

Кроме того, христиане верят, что Бог создал нас не независимыми, отдельными людьми, но поместил нас в семьи, где «взаимное обременение» является частью изначально заданного замысла. Никто из нас не может действовать в полной изоляции, не оказывая никакого влияния на других. Принимая любое решение, мы должны помнить не только о собственных нуждах и желаниях, но и о потребностях тех, с кем мы связаны взаимоотношениями. Одним из примеров «взаимного обременения» является супружество. Вступая в брак, два человека частично отказываются от своей автономии, но в результате, если всё идёт хорошо, благодаря преданности друг другу они обретают совершенно новый уровень свободы.

Итак, христианский взгляд на автономию удерживает в равновесии уважение к достоинству человека, созданного по Божьему образу, и понимание того, что автономия всегда должна оставаться лишь в контексте реальных отношений с Творцом и другими людьми.

Что дальше?

Сегодняшний упор на автономию пациента — это реакция на прежнюю врачебную культуру, когда считалось, что «врачу виднее», и медики не относились к пациентам как к равным. Принцип автономии несколько уравнивает ситуацию, наделив пациентов новыми полномочиями и напомнив врачам, что они не должны злоупотреблять своей властью.

Однако современные интерпретации принципа автономии, ставящие индивидуализм на первое место, ведут к ещё большей социальной фрагментации и обесценивают понятие человеческой общности. В медицине пациент становится «клиентом», а врач лишь «предоставляет услуги». Но неужели нам действительно хочется, чтобы наша

медицина превратилась в обычную систему потребительских услуг, где подлинная забота о пациентах вытесняется «личными правами» и «выбором клиента»?

Интересно, что некоторые светские учёные уже начали ставить под сомнение роль абсолютной автономии в современной биоэтике. Например, автор из Голландии Мариен Веркерк недавно предложила понятие «милосердного вмешательства». Отвечая на вопросы медсестры, работающей в психиатрической больнице с бездомными наркоманами, страдающими психическими расстройствами, Веркерк говорит, что чрезмерный упор на самоопределение и невмешательство может привести к тому, что нуждающиеся в лечении пациенты останутся без должного ухода. Вместо того чтобы думать только об уважении автономии пациента и не вмешиваться, пока тот об этом не попросит, она призывает медиков занять более активную и милосердную позицию и смотреть на свою работу как на реальные отношения с реальными людьми. Веркерк и другие специалисты по этике ставят под сомнение «наше нынешнее увлечение независимостью» и предлагают «модель взаимности»²⁸. Более того, они считают либертарианскую автономию признаком неумения выстраивать обоюдные отношения заботы и поддержки.

Христиане не должны поддаваться современной тенденции принижать роль взаимоотношений между врачом и пациентом, но вместо этого всячески стараться восстановить доверие между врачами с пациентами. Христианство призывает нас к взаимозависимой автономии и указывает на новые, альтернативные методы заботы о пациентах. Например, Джон Уайатт считает, что отношения врача и пациента должны строиться по модели «эксперт-эксперт» и являться сотрудничеством, основанном на взаимном уважении и доверии²⁹. В такой атмосфере пациент становится особо ценным специалистом, прекрасно знающим свои желания и интересы. Этот подход ставит взаимное уважение в основу отношений врача и пациента. В конце концов, христианская любовь всегда относится к людям как к уникальным личностям и стремится защищать их достоинство.

Итак, автономия — это важное понятие с христианскими корнями. Однако в этических и медицинских дискуссиях его нередко понимают

по-разному, и нам необходимо с осторожностью относиться к любой форме самоопределения, которая отрицает какие бы то ни было обязательства и нравственную ответственность.

Хелен Бэретт учится на последнем курсе медицинского факультета Имперского колледжа в Лондоне. В 2004 году она получила степень магистра биоэтики в колледже Св. Марии в Твикенгеме. Аттила Сайнос преподаёт психиатрию на психиатрическом факультете Бристольского университета.

Ссылки

- 1 Rae S, Cox P. Bioethics. Grand Rapids: Eerdmans. 1999:199
- 2 Callahan D. Self Determination Run Amok. Hastings Centre Report 1992; March-April: 22
- 3 Beauchamp T, Childress J. Principles of Biomedical Ethics (4th Edition). Oxford University Press. 1994:121
- 4 Harris J. The Value of Life: An Introduction to Medical Ethics. London: Routledge. 1985:80
- 5 Quoted in Branch JA. Autonomy and the Health Sciences: Clarifying a Broad Concept. Integrite 2003;2(2):20-33
- 6 Frame J. Medical Ethics: Principles, Persons, and Problems. Phillipsburg, NJ: Presbyterian & Reformed. 1988:38
- 7 Beauchamp T, Childress J. Principles of Biomedical Ethics (4th Edition). Oxford University Press. 1994:121
- 8 Branch JA. Autonomy and the Health Sciences: Clarifying a Broad Concept. Integrite 2003;2.2:20-33
- 9 Быт. 1:26-27
- 10 Мф. 19:16-22
- 11 Прит. 14:31
- 12 Уайатт Дж., «На грани жизни и смерти», Мирт: СПб, 2003
- 13 1 Тим. 6:13
- 14 Иов 34:14-15
- 15 Иер. 10:23
- 16 Rae S, Cox P. Bioethics. Grand Rapids: Eerdmans, 1999:203
- 17 Иак. 1:25, 2:25
- 18 Ин. 8:34-35
- 19 1 Пет. 2:16
- 20 Мк. 14:36
- 21 1 Кор. 9:14-19
- 22 Еф. 5:21
- 23 Флп. 2:4
- 24 Гал. 5:13
- 25 Meilaender G. Bioethics: A Primer for Christians. Grand Rapids: Eerdmans. 1996:2
- 26 Гал. 6:2
- 27 Исх. 19:6
- 28 Verkerk M. A Care Perspective on Coercion and Autonomy. Bioethics 1999; 13 (3/4):358-368
- 29 Уайатт Дж., «На грани жизни и смерти», Мирт: СПб, 2003